

РЭЙ БРЭДБЕРИ

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Из праха восставшие

МОСКВА
2018

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury
FROM THE DUST RETURNED
Copyright © 2001 by Ray Bradbury

Перевод с английского *Михаила Пчелинцева*

Разработка серии «Pocket book» и оформление обложки
Андрея Саукова

Иллюстрация на обложке Geliografic

Оформление серии «Культурная классика»
Натальи Ярусовой

Брэдбери, Рэй.

Б89 Из праха восставшие / Рэй Брэдбери ; [пер. с англ. М. Пчелинцева]. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-095669-2 (Pocket book)

ISBN 978-5-04-098133-5 (Культурная классика)

«Из праха восставшие» — роман, истоки которого — в рассказах «Апрельское колдовство», «Дядюшка Эйнар» и «Странница», на которых выросло не одно поколение советских, а потом и российских читателей. Эта книга писалась полвека, отражая все важнейшие события XX столетия, но отражая так, как это мог сделать один только Брэдбери — через детство.

В семейной хронике Эллиотов, героев «Из праха восставших», переплетаются истории графа Дракулы и египетской мумии, мыши, прошедшей полмира, и призрака «Восточного экспресса», четырех развоплощенных кузенов и Фивейского голоса.

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-095669-2
ISBN 978-5-04-098133-5

© Пчелинцев М., перевод
на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление,
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Двоим родовспомогателям
этой книги:
Дону Конгдону,
который был при начале, в 1946-м,
и Дженнифер Брель,
которая помогла довести дело
до конца в 2000-м.
С благодарностью и любовью.*

Пролог

ОНА ЗДЕСЬ, ПРЕКРАСНАЯ

На чердаке, где весенними днями нежно шуршал по крыше дождь, где декабрьскими ночами ты чувствовал близкую — какие-то дюймы — пелену снега, прозябала Тысячу-Раз-Пра-Прабабушка. Она не жила, но и не была навеки мертвой, она... прозябала.

И теперь в преддверии Великого События, накануне Великой Ночи, теперь, когда близился радужный фейерверк Семейной Встречи, нужно было ее навестить!

Дверца чердачного люка вздрогнула.

— Все в порядке? — донесся снизу голос Тимоти. — Я иду! Да?!

Молчание. Египетская мумия не шелухнулась.

Она стояла в темном закутке подобно ветхому, почерневшему обрубку дерева или об-

горелой, выкинутой за ненадобностью гладильной доске. Тонкие, сморщенные руки накрест уложены на иссохшей груди, сквозь узкие щели шелковой ниткой зашитых глаз проглядывает бездонная синева, древний пепельно-серый рот, где таится сморщенный лоскуток языка, беззвучно вздыхает, вспоминая каждый час каждой безвозвратно ушедшей ночи, извлекая из бездны четырех тысячелетий те времена, когда она, дочь фараона, одетая в паутинно-тонкое полотно и легкий, как сонное дыхание, шелк, с изумрудами и рубинами, горящими на запястье, сбегала по мраморным террасам сада, чтобы посмотреть на пирамиды, испарывавшие яростный египетский воздух.

Тимоти уже поднял вековою пылью покрытую дверцу и осторожно окликнул полночный чердачный мир:

— О прекрасная!

Губы древней мумии дрогнули, уронив несколько пылинок.

— Нет, уже не прекрасная.

— Ну, тогда бабушка.

— И не просто бабушка, — прошелестело в недвижимом воздухе.

— Тысячу-Раз-Пра-Прабабушка?

— Это уже лучше. Вино?

— Вино. — Тимоти просунулся сквозь узкий люк и встал. В его руке поблескивал крошечный флакон.

— Какого урожая, дитя?

— До Рождества Христова, бабушка.

— На сколько лет?

— На две тысячи до Рождества Христова, почти на три.

— Прекрасно. — Иссохшая улыбка сбросила легкое облачко пыли. — Подойди.

Осторожно пробираясь сквозь папирусные залежи, Тимоти подошел к более не прекрасной, чей голос сохранил все свое былое очарование.

— Дитя? — окликнула иссохшая улыбка. — Ты боишься меня?

— *Всегда*, бабушка.

— Смочи мои губы, дитя.

Тимоти поднял руку и уронил на чуть подрагивавшие губы крошечнейшую из капелек.

— Еще.

На оживавшие губы упала вторая капля.

— Все еще боишься?

Рэй Брэдбери

— Нет, бабушка.

— Сядь.

Тимоти пристроился на краешке большого ящика, разрисованного иероглифами и воинами, богами псоглавыми и богами с головами как у льва.

— Почему ты здесь? — прошелестел иссохший голос.

— Завтра наступает Великая Ночь, бабушка! Я ждал ее всю жизнь. Завтра Семья, *наша* Семья, слетится сюда со всех концов мира! Расскажи мне, бабушка, как все это началось, как был построен этот дом, откуда мы сюда пришли, а еще...

— Хватит! — прервал его голос. — Я поведаю тебе о тысяче полдней, окунуть в глубочайший колодец времени. Молчишь?

— Молчу.

— Так вот, — прошептало через сорокавековую пропасть, — как это было...

Глава 1

МЕСТО И ГОРОД

Сперва, сказала Тысячу-Раз-Пра-Прабабушка, было только место на бескрайней, густо поросшей травой равнине и холм, на котором не было ничего, кроме все той же травы да дерева, скрюченного, как излом черной молнии, дерева, на котором ничего не росло, пока не вырос город и не появился Дом.

Все мы знаем, как город умеет собирать потребность за потребностью, пока сердце его не забьется и не начнет круговращать людей по предписанным им путям. Но вот как, спросите вы, появляется дом?

А дело в том, что там было это дерево, и лесорубы, устремлявшиеся на Дальний Запад, трогали его и говорили, что, надо думать, оно было здесь еще до того, как Иисус строгал доски в отцовской мастер-

ской, до того, как Понтий Пилат умывал руки. Именно оно, считают некоторые, вызвало Дом из разгулов непогоды и глубин времени. Когда же этот Дом встал на место, глубоко укоренившись своими подвалами в китайских кладбищах, он явил собою зрелище настолько великолепное, сравнимое разве что с полузабытыми фасадами Лондона, что фургоны, совсем было собиравшиеся переправиться через реку, медлили в растерянности, ехавшие в них семьи разевали рты от изумления и решали, что раз уж это место достойно папского дворца, обители короля или королевы, вряд ли есть смысл его покидать. Поэтому фургоны останавливались, лошадей отпускали на водопой, и пока люди глядели, оказывалось, что их башмаки, а заодно и души уже успели пустить корни. Дом на холме, стоявший рядом с молнией дерева, ошеломлял любого, кто его видел; переселенцы не решались покинуть этот Дом из опасения, что он будет их преследовать во снах и сделает все другие, ждущие впереди места тусклыми и безрадостными.

Так что Дом появился первым, и его появление дало пищу для множества мифов, легенд и застольных пересудов.

Рассказывают, что однажды над прериями поднялся ветер с дождем; вскоре легкий ветер превратился в грозу, а гроза — в сокрушительный ураган. За ночь этот многоликий ветер подхватил каждый незакрепленный предмет между поселками Индианы и Огайо, оголил леса северного Иллинойса, взвихрился над этим, еще пустынным холмом, стих и уверенной рукой невидимого божества уложил, доска за доской, рейка за рейкой, гору строительного леса, которая еще до восхода сформировала себя в нечто, смутно привидевшееся Рамзесу и додуманное Наполеоном, когда тот бежал из утонувшего во снах Египта.

Там хватило бы балок, чтобы покрыть собор Святого Петра, и окон, чтобы ослепить летящих на зимовку птиц. На веранде, окружавшей Дом со всех сторон, с лихвой хватило бы места для празднества с участием всех его обитателей со всеми их родственниками. А внутри — улей, муравейник, лабиринт комнат и комнаток, до-

Рэй Брэдбери

статочный, чтобы разместить отряд, взвод, батальон не рожденных еще легионов, жадно ждущий их грядущего пришествия.

И Дом этот был завершен задолго до того, как звезды растворились в свете нового дня, и он стоял пустым еще многие годы, не в силах призвать к себе своих будущих насельников. В каждой каморке было по мыши, за каждой печкой было по сверчку, дымили все печные трубы, каждую постель леденили какие-то, почти человеческие, существа. И еще: бешеные собаки в каждом дворе, живые горгульи на крышах. Все замерло в ожидании, чтобы оглушительный раскат давно ушедшей грозы возвестил: *Начнем!*

И наконец через многие долгие годы это случилось.

Глава 2

ПРИХОДИТ АНУБА

Кошка пришла первой — чтобы быть первой.

Она пришла, когда все корзины и чуланы, все подвальные лари и чердачные кладовки все еще бредили октябрьскими крыльями, осенними вздохами и яростными глазами. Когда каждая люстра была вместилищем, а каждый башмак — пустым гнездом, когда все кровати изнывали по невиданной белизне, а все перила предвкушали скольжение легчайших, почти бесплотных существ, когда в каждом покоробленном веками окне кривились отражения призрачных лиц, каждое пустое кресло казалось занятым, каждый ковер мечтал о прикосновении невидимых ног, а насос-качалка на заднем дворе вздыхал, вытягивая гнусные зелья к поверхности, заброшен-